

УДК 070.15

**ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ И ПОПЫТКИ СОХРАНЕНИЯ МОНАРХИИ  
В ЕЕ ОГРАНИЧЕННОЙ КОНСТИТУЦИЕЙ ФОРМЕ  
В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г. В РОССИИ:  
ШТРИХИ К ПОЗИЦИИ КАДЕТОВ И ПОВЕДЕНИЮ  
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА**

**А. А. Антонов-Овсенко**

Тверской государственный университет  
*кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью*

В статье проанализированы попытки сохранения монархии в России в ходе революционных событий 1917 г., проявлявшиеся как в позиции партии кадетов, так и в факте сохранения вплоть до Октябрьского переворота действующей структуры Правительствующего сената.

**Ключевые слова:** *революция, монархия, кадеты, правительствующий сенат.*

В начале марта 1917 г. революционный Петроград с воодушевлением воспринял известие о падении самодержавия. Эйфорию от перемен испытывали в равной степени различные сословия, в том числе дворяне и представители класса предпринимателей, также ощущавшие на себе угнетающее воздействие самодержавия. Так, видный представитель дворянского сословия кн. Е. Н. Трубецкой на страницах «Речи» в начале марта 1917 г. отмечал, что свершившаяся в России революция – «единственная в своем роде», она – «национальная», «народно-русская», «всемирная», и потому «никто не имеет на нее исключительные права» [3, с. 151].

Что касается представителей класса предпринимателей, то их неприятие самодержавия обуславливалось прагматически: монархия пренебрегала развитием отечественной промышленности, что в ходе начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны повлекло за собой громадные, ничем не оправданные бюджетные траты. Это подтверждалось, в частности, публикациями газеты «Утро России». Издававшаяся на средства династии Рябушинских при поддержке других российских промышленников, газета с сожалением констатировала в декабре 1916 г.: «Он <министр финансов – А. А.-О.> предполагает выпустить еще на три миллиарда бумажных денег... Становится холодно при мысли о том, чего требует от человечества эта война, и какое “движение ценностей” она вызывает. Я говорю “движение” потому, что не следует думать, что эти ценности исчезают куда-то бесследно. Исчезает только часть их, та, что расстреливается из пушек, та, что уходит с изнашиванием машин, орудий, одежды, превышающим обычное изнашивание. Большая часть остается, лишь переходит из одних рук в другие, вызывая громадные социальные изменения... Всех тяжелее – если не считать Турции – будет нам, которым приходится выбрасывать за границу по заказам на снаряжение, т. е. как раз на то, что изнашивается и расстреливается, неслыханные количества... “единиц” труда русских людей... Жутко думать об этой реке миллиардов, текущей в Новый Свет и в Японию, где идет какое-то фантастическое обогащение и создается новый класс мультимиллионеров и даже миллиардеров, и где простой слух, что Россия может принять германское предложение

мира, вызвал на бирже панику... Все это – расплата за гордое пренебрежение к отечественной промышленности и за многое другое... Следствием этого будет новое понижение курса рубля, курса международного и особенно “внутреннего”, и новое усиление дороговизны, так как заработок значительной части населения не может сразу поспеть за возросшей ценой продукта или вещи, т.е. реальной ценности... В этом виновато не население России, экономические и моральные законы незыблемы даже во время войн. Чтобы это перестало быть так – нужно, чтобы изменилось что-то в системе государства, – чтобы ценности, которые оно дает, стали действительными ценностями» [1, с. 5] (автор оставляет за читателем право оценки того, насколько изменилось или не изменилось с тех пор отношение верховной власти в России к развитию отечественной предпринимательской инициативы).

Наконец самодержавие пало, – как казалось, навсегда, и воодушевление от этого в обществе было огромным. Меншевистский «День» в выпуске, возобновленном после краткого перерыва, вызванного революционными событиями, в передовой статье декларировал: «Старая власть умерла, и ей не воскреснуть вновь. Она не страшна теперь России, и самодержавные холопы и лакеи в плену у революции ждут строгого и справедливого суда народа-победителя» [9].

Но так ли безвозвратно в действительности ушло самодержавие, и насколько категорически в новых правительственных кругах отвергалась сама мысль о его возвращении? Позволим себе усомниться в этом.

Известно, что лидер кадетов (Партии народной свободы) и министр иностранных дел во Временном правительстве первого состава П. Н. Милюков в самый разгар революционных событий 1917 г. выступал за сохранение самодержавия. «Монарх – это ось... Единственная ось страны!» – патетически восклицал в те дни Милюков [7, с. 99], хотя в собственных воспоминаниях настаивал на том, что он прежде всего имел в виду сохранение монархии не вообще, а в ее ограниченной конституционной форме. В своей речи в Екатерининском зале Таврического дворца (где, как известно, до Февральской революции заседала Государственная дума), произнесенной ближе к 15-ти часам пополудни 2 марта 1917 г., П. Н. Милюков заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, в. к. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей (шум и крики: “это старая династия”). Да, господа, этот старая династия, которую, может быть, не любите вы, и, может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе. Но если мы будем спорить об этом сейчас, вместо того, чтобы сразу решить вопрос, то Россия очутится в состоянии гражданской войны, и возродится только что разрушенный режим. Этого сделать мы не имеем права...» [4, с. 50].

Царь Николай, однако, отказался от престола не в пользу своего сына, как это объявил своим слушателям П. Н. Милюков, а в пользу своего брата Михаила. Тем не менее, главное, на что следует обратить внимание в заявлении лидера кадетов, – это его слова о том, что вопрос о форме государственного устройства следует, во-первых, «решить сразу», и, во-вторых, в пользу сохранения монархии: за демонстрировавшимися на публике опасениями начала гражданской войны скрывалось именно это его устремление.

В дальнейшей своей речи П. Н. Милюков как бы уговаривал собравшихся поступиться своей ненавистью к династии ради того, чтобы принять наиболее опти-

мальное с точки зрения пользы для будущего России решение: «Как только пройдет опасность, и установится прочный мир, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [4, с. 50]. Однако нет сомнений в том, что, один раз отказавшись от окончательного свержения самодержавия и смирившись с ним как с неизбежностью, представители всех участвовавших в революционных событиях партий, движений и сословий в будущем Учредительном собрании не стали бы отказываться от него вновь. На это и рассчитывал, вне всяких сомнений, П. Н. Милюков, и, быть может, именно это – установление конституционной формы монархии – стало бы наиболее оптимальным разрешением всех накопившихся за века до того и выплеснувшихся в революционных событиях февраля 1917 г. противоречий российской действительности.

Другой активный участник февральских событий – октябрист А. И. Гучков, узнав об отречении от престола брата царя и намерении членов Исполнительного комитета Госдумы, невзирая на это, приступить к формированию нового правительства, заметил: «Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути» [2, с. 19]. Очевидно, что в его понимании любое правительство, которое принимало на себя ответственность за судьбу страны в отсутствие монарха, было обречено. Лишь после серьезных колебаний А. И. Гучков согласился возглавить военное и морское министерство, и дальнейшее развитие событий в 1917 г. в России лишь доказало правоту его опасений.

Кроме того, текст отречения брата царя – Михаила содержал допущение о возможности возвращения монархии в будущем. Михаил Романов писал: «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего – благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского» [5, с. 2].

Необходимо также учитывать, что и само Временное правительство, возникшее по соглашению между Исполнительным комитетом Государственной думы и Петроградским советом, в течение марта – июля 1917 г. возглавлял князь Г. Е. Львов: представитель высшего дворянского сословия, бывшего в течение долгих веков главной опорой самодержавия, он своим пребыванием на посту высшего должностного лица государства символизировал преемственность власти и возможность ее возврата очередному самодержавцу.

Наконец, сохранение в течение 1917 г. такого государственного института, как Правительствующий сенат, также говорит в пользу того, что в правительственных кругах вплоть до Октябрьского переворота подспудно допускалась возможность возврата самодержавия, хотя и в ее ограниченной рамками будущей Конституции форме.

Созданный в эпоху Петра I как высший государственный контрольно-надзорный и судебно-административный орган, Правительствующий сенат прошел долгий путь реформ и преобразований, переживая периоды отчуждения от государственных дел и, наоборот, подъема своего авторитета. Представляется очень показательным, что новая власть в лице Временного правительства не только не распустила Правительствующий сенат, но и решила сохранить за ним главенствующую роль в делах государственных – роль судьи и контролера. Именно в Правительствующий сенат Временное правительство направило акты об отречении от престола царя Ни-

колая и его брата Михаила [6, с. 176], и уже 5 марта 1917 г. сенаторы приняли присягу на верность новой власти.

Уважение новой власти к Правительствующему сенату было обусловлено, с одной стороны, тем, что в списках его членов встречались фамилии граждан, уважаемых в разных слоях и сословиях российского общества, – такие, как выдающийся ученый-исследователь П. П. Семенов-Тянь-Шанский [8].

С другой стороны, в сенат входили и фигуры вполне одиозные, зарекомендовавшие себя в качестве рьяных апологетов старого самодержавного строя, – такие, как известный монархист, министр юстиции И. Г. Щегловитов, а также сами члены императорской фамилии – вел. кн. Константин и Андрей Романовы и др. [8].

Неудивительно поэтому, что А. Ф. Керенский в качестве министра юстиции в только что созданном Временном правительстве озаботился прежде всего реформой Сената в направлении его освобождения от подобных одиозных фигур. И. Д. Щегловитов, например, был арестован, а А. Ф. Керенский, кроме того, предложил учредить Высший суд, которому «будут подлежать и те сенаторы, в деятельности коих имеются признаки преступных по службе деяний» [2, с. 24].

Немаловажным представляется также и то, что сомнений в необходимости сохранения Правительствующего сената не испытывали, по-видимому, и члены Петроградского совета, состоявшего сплошь из представителей так называемых «низших» сословий – рабочих, солдат и крестьян. Что с очевидностью говорит о том, что как сами новые органы власти, возникшие в результате свершений Февральской революции, так и сословия, которые представляли эти органы власти, по-прежнему испытывали нужду, относящуюся скорее к потребностям психологического порядка, в «верховном» судействе над собой и собственными действиями – несмотря на упомянутую эйфорию от перемен и всеобщее стремление к «окончательному освобождению». Таким высшим органом и оставался, в представлении всех сословий, Правительствующий сенат, исполнявший одновременно роль (если проводить аналогии с современными государственными институтами) Конституционного суда и Счетной палаты.

Смена в течение марта – октября 1917 г. пяти министров юстиции Временного правительства, одновременно являвшихся генерал-прокурорами Сената, не позволила этому государственному органу в полном объеме исполнять свои контрольно-надзорные и административно-судебные функции. Однако функционирование Сената в течение этого чрезвычайно сложного периода свидетельствовало о сохранении шанса на переход к формированию принципиально иного государственного строя в России. Этот новый строй в случае принятия Учредительным собранием решения о сохранении монархии уже не был бы обременен средневековыми полицейскими привычками старого строя; монархия, как в других европейских государствах, была бы неминуемо ограничена в правах принятия судьбоносных решений, а роль и значение других государственных и общественных институтов, таких, как парламент в лице Государственной думы и Правительствующий сенат, должны были бы, наоборот, значительно возрасти.

22 ноября (5 декабря) 1917 г. общее собрание Правительствующего сената специальным решением объявило большевистский Совнарком структурой, не предусмотренной основными государственными законами, возникшей в результате насильственной узурпации власти. В тот же день Декретом Совнаркома «О суде» Правительствующий сенат и подведомственные ему учреждения были упразднены [6, с. 177]. Так был утерян серьезный шанс на возвращение страны к прогрессивному, демократическому пути развития.

#### Список литературы

1. Ардов Т. Векселя государства // Утро России. 1916. № 345. 11 декабря. С. 5.
2. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 1 / Отв. ред. Б. Ф. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2001. 448 с.
3. Жердева Ю. А. Русский либерализм в 1917 году: по материалам периодической печати: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Жердева ; Самарский гос. экон. ун-т. Самара, 2005. 299 с.
4. Милюков П. Н. История второй русской революции. М. : РОССПЭН, 2001. 765 с.
5. Михаил. Отречение великого князя Михаила Александровича // День. 1917. № 1 (1573). 05 марта. С. 2.
6. Михайлик К. А., Тебиев Б. К.-Г. Правительствующий сенат и сенаторские ревизии в России 1711–1917 гг. М. : Интеграция, 2010. 186 с.
7. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде : в 2 кн. Кн. 1 : На путях к социалистической революции. Двоевластие. Л. : Наука, 1967. 456 с.
8. Правительствующий сенат. СПб. : Типо-литография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. 275 с. [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003795559#?page=5>. (Дата обращения: 12.07.2015.)
9. Революция и наши задачи // День. 1917. № 1 (1573). 05 марта. С. 1.

#### PUBLICATIONS IN NEWSPAPERS AND ATTEMPTS TO SAVE THE MONARCHY IN ITS LIMITED FORM BY CONSTITUTION IN FEBRUARY – OCTOBER 1917 IN RUSSIA: NOTES ON THE CADET’S POSITION AND THE BEHAVIOR OF GOVERNING SENATE

A. A. Antonov-Ovseenko

Tver State University  
*the Department of journalism, advertising and public relations*

The article analyzes attempts to save the monarchy in Russia during the revolutionary events in 1917, manifested both in the cadet’s position, and in sustaining of the structure of governing Senate till the October revolt.

**Keywords:** *Revolution, monarchy, cadets, governing Senate.*

*Об авторе:*

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Антон Антонович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: [antonov-ovseenko@mail.ru](mailto:antonov-ovseenko@mail.ru).

*About the author:*

ANTONOV-OVSEENKO Anton Antonovich – doctor of Philology, Professor of the Department of journalism, advertising and public relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: [antonov-ovseenko@mail.ru](mailto:antonov-ovseenko@mail.ru).